

Г. М. Коваленко

НОВГОРОД В «РОССИКЕ» XIX в.

Новгород был известен в Европе уже в X в., но только в XV в. произошло его открытие европейцами. В XVI в. знакомство европейцев с Великим Новгородом углубляется. Многие иностранные наблюдатели описывают его как «знаменитейший и богатейший» торговый город – «рынок целой империи», который по размерам и численности населения не уступал крупнейшим городам Европы. В XVII в. Великий Новгород сохраняет имидж одного из самых крупных и населенных городов Европы, который и «поныне славится торговлей и богатством». Представления европейцев о нем становятся более глубокими, а его образ в европейской письменности – более зримым и конкретным. Памятники европейской письменности XVIII в. зафиксировали процесс превращения Великого Новгорода в провинциальный центр Российской империи. Лейтмотивом иностранных описаний Новгорода становится обозначившаяся уже в XVII в. тема контраста былого величия и современного состояния города.

В первой половине XIX в. Новгород представлял собой уездный «изрядно разрушенный город» «ганзеатических воспоминаний и православного либерализма¹ с явными признаками упадка, во многом уступавший другим российским городам. Новгородский губернатор П. И. Сумароков считал, что у этого «печального», «томного» города все осталось в прошлом».² Для многих русских путешественников он был «дряхлым разрушающимся прадедом русских городов».³

Того же мнения были почти все иностранцы, побывавшие в это время в Новгороде. В их числе были французская художница Элизабет Виже-Лебрен, английская путешественница Марта Вильмот, немецкий писатель-демократ Иоганн Готфрид Зейме, немецкий ученый и педагог Эрнст-Беньямин-Соломон Раупах, остзейский дворянин Иоганн Фрид-

¹ Пассек Т. П. Из дальних лет. М., 1963. Т. 2. С. 289.

² Трифонова А. Н., Карасева И. В. Новгород первой половины – середины XIX в. глазами очевидцев // Новгородский архивный вестник. Великий Новгород, 2005. № 5. С. 4.

³ Славин А. П. Путешествие русского человека на поклонение «Господину-Государю» Великому Новгороду. СПб., 1858. С. 11.

рих Унгерн-Штернберг, французская писательница Жермена де Сталь, французский литератор Франсуа Ансело, шведский ученый и писатель Юхан Бар, маркиз Астольф де Кюстин. Многие из них посещали «грустные мысли о былом величии» Новгорода.

Так, И. Зейме увидел в Новгороде «только остатки былого великолепия»: «Издалека кажется, будто город и теперь еще имеет большое значение, внутри же все выглядит пустым, заброшенным <...> людных улиц очень мало <...> много обширных пустырей <...> Где те времена, когда Новгород заставлял трепетать царей и когда возникла поговорка: „Кто пойдет против Господа Бога и Великого Новгорода?“»⁴

О «печальных руинах древнего великолепия» («пустынного, унылого и молчаливого» Новгорода, стоящего «между двумя столицами как урок превратности судьбы») писал в своих путевых заметках французский литератор Франсуа Ансело.⁵

Тем не менее, былое величие, «тень великого имени» («*magni nominis umbra*») влекли европейцев в Новгород. Следует также отметить, что в первой половине столетия политические симпатии демократических и либеральных кругов европейской интеллигенции в значительной мере подпитывали их интерес к республиканскому Новгороду, где «была достигнута легальная система и свобода народа».⁶

Одним из наиболее известных представителей этих кругов была французская писательница и критик Жермена де Сталь. Путешествуя по России летом 1812 г., во время французского нашествия, она побывала в Москве, Петербурге, увидела Украину и Финляндию. В этом путешествии Новгород был для нее лишь короткой остановкой. Но именно здесь она задумалась над тем, справедливо ли утверждение, что «свобода провозглашена в Европе», и пришла к неутешительному выводу, что деспотизм является европейским изобретением.

Увиденный ею Новгород, который «шестьсот лет назад был республикой», явил «необыкновенно печальную картину», его жители показались ей «теньями, рыдающими над могильной плитой», под которой была похоронена его независимость. По ее мнению, символом поражения Новгорода в борьбе с самодержавной Москвой был вывоз в Москву вечового колокола, «который созывал горожан на площадь для обсуждения вопросов общественных. С утратой свободы Новгород стал стремительно терять население, торговые связи, богатство».⁷

О былой новгородской вольности как альтернативе абсолютизма писал в 1835 г. шведский путешественник Юхан Бар. Древняя история Новгорода, с которой он познакомился еще до поездки, очень интересовала Бара, поэтому он предвкушал встречу с ней и, приближаясь к городу, досадовал «на то, что у его лошадей, несущихся во весь опор, нет крыльев».

⁴ Зейме И. Г. Мое лето 1805 года // Немские демократы XVIII века. М., 1956. С. 601.

⁵ Ансело Ф. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 106.

⁶ Шанский Д. Н. Русский город периода феодализма (IX–XVIII вв.) во французской историографии XVIII–XIX вв. // Русский город. М., 1984. Вып. 7. С. 93.

⁷ Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. М., 2003. С. 217.

Сожалая о крушении Новгородской республики, Бар восклицает: «Какой резкий контраст могла бы составить эта республика аристократической России, не исчезни она в те далекие времена!» «Последние отголоски былой вольницы», по мнению Бара, были уничтожены Иваном Грозным, а «строительство Архангельска стало последним ударом, нанесенным его дотоле процветавшей торговле».

Причины падения Новгородской республики Бар усматривал в том, что «богатство и торговля сделали их (новгородцев – Г. К.) высокомерными и тщеславными, и их город раскололся на партии». Сплотить новгородцев на борьбу с великим князем Московским, «воспрепятствовать его давлению на город и сохранить его независимость» пыталась «вдова посадника Исака Борецкого Марфа, прозванная посадницей». Бар сравнивает ее со своей соотечественницей – вдовой правителя Швеции Стена Стуре Младшего Кристиной Гюлленшерной, которая в 1520 г. возглавила оборону Стокгольма от датчан.⁸ Как символ республиканского Новгорода Марфа Борецкая упоминается также в путевых заметках Унгерн-Штернберга⁹ и Иоганна Коля. Коль называет ее мужественной и патриотичной республиканкой, «которая для Новгорода была почти тем же, что и Брут для Рима и Костюшко для Польши».¹⁰

Следует отметить, что Коль первым из иностранцев написал о восстании военных поселян в Новгородской губернии в 1831 г. в связи с эпидемией холеры, на подавление которого прибыл сам император. Опрятные деревни и воины-земледельцы, «которые мирно пахали поля вдоль дороги», заставили его задуматься о том, «что за череда жестокостей могла быть причиной тому», что шесть лет назад в этих местах «возмущенные солдаты убили 75 врачей и несколько сотен офицеров, когда они забивали кнутом до смерти женщин и привязали одного из генералов к дереву и упражнялись на нём в стрельбе».¹¹

В 1839 г. по приглашению императора Николая I в Россию приехал французский литератор маркиз Астольф де Кюстин, отец и дед которого были казнены якобинцами. Вернувшись во Францию, он опубликовал свою известную книгу «Россия в 1839 году», в которой коснулся многих тем российской действительности. В России и Европе эта книга вызвала самые полярные оценки – от восхищения до ненависти. Споры о ней не утихают и в наше время. Она до сих пор остается одной из самых читаемых книг о России, поскольку наблюдения маркиза были актуальны не только для императорской, но и для советской, и даже постсоветской России, в силу чего до недавнего времени в нашей стране она была запрещена.

Кюстин дважды проезжал через Новгород: по дороге из Петербурга в Москву и обратно – в августе и сентябре 1839 г. Проезжая через Великий Новгород в первый раз, он «крепко спал», в связи с чем потом сожалел, что не увидел «ни одной из древних построек этого города, который

⁸ *Bahr J. F. Anteckningar om Ryssland under ett vistande i Petersburg och en utflykt till Moskva. Första delen. Stockholm, 1838. S. 159.*

⁹ *Ungern-Sternberg J. F. Spazierfahrt nach Moskau. Leipzig, 1810. S. 37.*

¹⁰ *Kohl J. G. Reisen im Inneren von Rußland und Polen. Dresden, 1841. S. 32.*

¹¹ *Ibid. S. 18–19.*

долго был республикой и стал колыбелью Российской империи», особенно «церкви святой Софии, с которой связана память о самых славных событиях русской истории до разграбления и окончательного порабощения Новгорода Иваном IV, предтечей всех современных тиранов».¹²

На обратном пути в Петербург отсутствие лошадей заставило маркиза задержаться в Новгороде; за шесть часов своей вынужденной остановки он смог осмотреть город и побывать в Софийском соборе, где, по его словам, «находятся гробницы Владимира Ярославича, умершего в 1051 году, матери его Анны, одного из константинопольских императоров, а также еще несколько любопытных захоронений».¹³ По всей вероятности, Кюстин небрежно переписал фразу из путеводителя Ж. А. Шницлера «Россия, Польша и Финляндия» (1835) о том, что «в Софийском соборе находятся гробницы Владимира Ярославича, умершего в 1051 г., и Анны, его матери, отцом которой был константинопольский император».¹⁴

Вообще маркиз де Кюстин был «мало расположен осматривать остатки этого города, где зародилась империя славян и нашла себе могилу их свобода». При виде Волхова ему представились «ужасные сцены осады города-республики <...> как из заваленной мертвецами реки выступали кровавые трупы подданных царя, напоминая об ужасах гражданских войн». Кюстин, с одной стороны, противопоставил республиканский Новгород «империи фасадов», а с другой – провел резкую грань между ним и «дремотно скучным гарнизонным городом», где «нашла могилу свобода славян».

Почти одновременно с Кюстином в Новгороде побывал полковник Фридрих Балдуин Гагерн. Он сопровождал племянника Николая I голландского принца Александра Оранского во время его поездки ко двору российского императора. Он не задумывался о республиканском прошлом Новгорода, и, может быть, поэтому город показался ему «очень новым и веселым». Он заметил «старинные зубчатые стены кремля», Софийский собор и «бронзовую дверь, украшенную барельефами и надписями на латинском и древнеславянском языках. <...> Церкви, по большей части, красивы и в хорошем состоянии».¹⁵

Наиболее подробные и обстоятельные описания Новгорода первой половины XIX в. оставили А. Хаусвольф, Э. Б. С. Раупах и И. Ф. Унгерн-Штернберг.

Аделаида фон Хаусвольф – дочь шведского офицера Ханса Густава фон Хаусвольфа, взятого в плен во время русско-шведской войны 1808–1809 гг. Почти пять месяцев вместе с отцом она прожила в Новгороде. Все это время она вела дневник, в котором подробно и детально

¹² Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. М., 1996. Т. 2. С. 35.

¹³ Там же. С. 304.

¹⁴ Матерью новгородского князя Владимира Ярославича была дочь шведского короля Олафа Штокунunga принцесса Ингигерд. В 1019 г. она стала женой Ярослава Мудрого и приняла христианское имя Ирина. Она жила как в Новгороде, так и в Киеве, поэтому местом ее захоронения считают как Киевскую, так и Новгородскую Софию.

¹⁵ Россия и русский двор в 1839 г. // Русская старина. 1890. Т. 65. С. 338.

¹⁶ *Adelaide fon Hauswvolf. Journal hällen under resor i Ryssland då jag följde min far i hans fångenskap 1808–1809.* Uddevalla, 2007.

описала повседневную жизнь русского провинциального города начала столетия.¹⁶

Уроженец Силезии Эрнст Бенъямин Соломон Раупах приехал в Россию в 1807 г. и занял в Петербурге место воспитателя в доме директора Липецких минеральных вод Ивана Николаевича Новосильцева. В 1809 г. он ездил на липецкие минеральные источники и по дороге в Липецк побывал в Новгороде. По всей вероятности, он заранее готовился к встрече с древним Новгородом, в который он «спешит войти» вместе с читателем его путевых заметок.

Так же, как и Бар, Раупах задается вопросом о том, что привело к разрушению Новгородской республики, и рассматривает как внутренние, так и внешние причины этого. К внутренним причинам он относит «нерешительность новгородцев и их вечные раздоры», которые он называет борьбой партий. К внешним – «торговлю со многими государствами» и «опасное соседство» с Польшей и Литвой: «Во время правления Ивана Васильевича II, прозванного тираном, Новгород попытался сбросить ярмо и отдаться в руки поляков, но это привело его к гибели».

Современный Новгород показался Раупаху достаточно привлекательным. Он не был разочарован тем, что увидел здесь, и в его описании не звучит тема контраста и обманутых ожиданий. По мнению Раупаха, главными достопримечательностями Новгорода являются церкви и монастыри, благодаря которым «любитель древности найдет здесь занятие на долгое время». Среди них он особо отмечает собор, «основанный сразу после принятия христианства в России в десятом веке первым епископом Иоакимом». Он пишет о богато декорированных молельных местах Софийского собора – епископском и царском – и отмечает, что их вытертый бархат «свидетельствует о набожности древних правителей». О бронзовых воротах западного фасада Новгородской Софии он пишет, что они «были изготовлены в одиннадцатом веке в Константинополе, потом подарены греческим императором». В качестве достопримечательностей Софийского собора он отмечает также «мощи и саркофаги многих святых, которые играли огромную роль в греческих легендах».

В своем сочинении Раупах касается таких сюжетов: он передает проческую легенду-предостережение, связанную с изображением Христа в центральном куполе Софийского собора, и кратко излагает «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим», которую ему «рассказал один верующий человек с поучительным выражением лица». Он называет Иоанна Новгородского «самым знаменитым из новгородских святых, к могиле которого совершают многочисленные паломничества».

Из современных новгородских иерархов Раупах упоминает похороненного в Софийском соборе Новгородского митрополита Гавриила, который «был удален сюда на епископство императором Павлом и ушел из жизни 90-летним стариком, пресытившись и устав от жизни».¹⁷

¹⁷ Гавриил (Петр) Петров (Шапошников) – новгородский митрополит в 1775–1799 гг.

Пребывание в Новгороде не только позволило Раупаху испытать «ощущение величия», но и наваяло сентиментальные и философские мысли о смысле жизни и тщетности всего земного: «Находясь среди древних руин на арене былых свершений, испытываешь поистине всеобъемлющее чувство, ощущение величия. Я представляю, сколько радости и счастья, сколько горестей и огромных усилий погребено здесь, сколько мудрости и глупости покоится в этой пыли <...> Когда же я смотрю на свою нравственную природу, у меня возникает мысль о человеческом ничтожестве, которое хочет устремить ее к бесконечному падению, и тлен, на котором я стою, становится для меня источником новой жизни».¹⁸

Почти одновременно с Раупахом в Новгороде побывал остзейский дворянин Иоганн Фридрих Унгерн-Штернберг. Он приехал сюда с чувством живого нетерпения, поскольку ему «поскорее хотелось познакомиться с одним из самых древних и наиболее известных городов России – Новгородом». Во время прогулки по городу Унгерн-Штернберг и его спутники были поражены видом обветшалых каменных зданий, пустынных площадей и поросших травой улиц с одиноко стоящими, покосившимися домами, и редкими пешеходами. Полуразвалившиеся лавочки показались им злой насмешкой над былым торговым величием Новгорода, удар по которому нанесло строительство Петербурга, окончательно лишившее Новгород возможности развития. Осмотр достопримечательностей Новгорода занял всего час, после чего сопровождавший их в прогулке по городу служащий гостиницы «совершенно не знал, что еще показать в городе», и тогда они вернулись к своему «бородатому хозяину и заказали обед из национальных блюд, самым превосходным из которых была рыба».

Многих иностранцев, побывавших в Новгороде в первой половине XIX в., можно считать первыми зарубежными туристами, поскольку цель их путешествия состояла в знакомстве с Россией. При этом Новгород был для них лишь промежуточным пунктом на маршруте Петербург – Москва или Москва – Петербург. Появление первых туристов высветило и первые проблемы российского туризма – внешний вид города, его благоустройство и достопримечательности, которые могли «привлечь взор путника», гостиницы, дороги.

Достопримечательностями Новгорода – этого «кивота святыни русской»¹⁹ – были, прежде всего, опоясывающие его монастыри и церкви. Именно на них в первую очередь обращали свое внимание иностранцы. Они отмечали, что церкви в Новгороде «были в хорошем состоянии», поскольку «из всех видов построек русские больше всего заботятся о церквях». Самым известным храмом был Софийский собор, «великолепие которого поражает», и в котором «есть на что посмотреть». Одной из главных достопримечательностей Новгорода считался также Антониев монастырь. Швейцарский астроном Иоганн Бернулли, проез-

¹⁸ D. R. Reise von St. Petersburg nach dem Gesundbrunnen zu Lipcezk am Don. Nebst einem Beitrage zur Charakteristik des Russen. Breslau, 1809. S. 37.

¹⁹ Муравьев А. И. Путешествия по святым местам русским. СПб., 1846. Ч. 2. С. 202.

жавший через Новгород в 1777 г., отметил, что при монастыре «есть семинария, которая владеет почти всей библиотекой знаменитого архиепископа Феофана (Прокоповича – Г. К.)». Юрьев монастырь иностранные путешественники посещали довольно редко.

Внешний вид города, его архитектуру иностранцы, как правило, оценивали довольно критически. Они видели здесь, главным образом, безлюдные «неказистые улочки», «убогие хижины», «грязные полуразвалившиеся мелкие лавчонки», «старинные развалины <...> теряющиеся среди окрестных равнин». Однако из этого правила были исключения. Так, например, французский математик Абель Буржуа увидел в Новгороде «много улиц, застроенных кирпичными и очень красивыми домами», приятно удивился «красоте архитектуры». Немка Амалия фон Лиман нашла, что Новгород «порядочно велик, хорошо построен, превосходно расположен».²⁰

Новгород, где всегда было много паломников и путешественников, изобиловал «трактирами, гостиницами и постоялыми дворами».²¹ Один из русских путешественников, побывавший в Новгороде, писал: «Во время пребывания нашего в Новгороде мы жили в гостинице Березина, на Знаменской улице. <...> Признаюсь, подобная гостиница была бы в числе первых и в Петербурге».²²

Новгородские гостиницы производили довольно неплохое впечатление и на иностранцев. Посетивший Новгород в 1799 г. голландец Йохан Меерман отметил, что «в Новгороде есть довольно хорошая гостиница».²³ В октябре 1808 г. Марта Вильмонт записала в своем дневнике: «Обедали в Новгороде в очень приятной гостинице, стены которой украшены превосходными английскими гравюрами. Ни одна гостиница в России, на мой взгляд, не может сравниться с этой в удобстве».²⁴ Даже Астольф де Кюстин, которому многое в России пришлось не по душе, так писал о гостинице при почтовом дворе: «Я пишу вам из дома, который изяществом своим разительно отличается от унылых домишек в окрестных деревнях; это разом почтовая станция и трактир, и здесь почти чисто. Дом похож на жилище какого-нибудь зажиточного помещика, подобные станции, хотя и менее ухоженные, чем в Померании, построенные вдоль всей дороги».²⁵

Большой проблемой для иностранных путешественников в XIX в., как и в предшествующие столетия, оставались российские дороги.

Французская художница Элизабет Виже-Лебрен, ехавшая из Петербурга в Москву в 1800 г., писала: «Проехать по сему тракту даже в сильные холода и то едва возможно, ибо настил из бревен постоянно трясет-

²⁰ *Беснятых Ю. Н.* Новгород в «Россике» XVIII в. // НИС. Л., 1989. Вып. 3 (13). С. 144, 146.

²¹ *Трифоновна А. Н., Карасева И. В.* Новгород... С. 31.

²² *Славин А. И.* Путешествие русского человека... С. 118.

²³ *Беснятых Ю. Н.* Новгород в «Россике» XVIII в. С. 146–147.

²⁴ *Даикова Е. Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмонт из России. М., 1987. С. 419.

²⁵ *Кюстин Астольф де.* Россия... С. 33.

²⁶ Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801. СПб., 2004. С. 102.

ся, давая то же ощущение, что волны на море. Карету мою, ехавшую на полколеса в грязи, толкало и бросало во все стороны, и я в любую минуту могла отдать Богу душу».²⁶

Тем не менее, судя по некоторым описаниям, состояние новгородских дорог в XIX в. несколько улучшилось. Так, например, Унгерн-Штернбергу дорога от Новгорода на Москву, во всяком случае до Бронниц, показалась своеобразной, но довольно удобной. При этом он отметил, что «расход древесины при строительстве такого рода дорог должно быть чудовищно высок»: 25 000 бревен на версту. Для строительства одной станции такого пути, длиной лишь в 30 верст, необходимо 750 000 бревен, каждое из которых надо менять через 2-3 года. «Существует ли более дорогостоящий и одновременно некачественный способ строительства мостов и дорог? В какое возмущение это событие должно бы было привести простого немецкого лесовода!»

Э.-М. Арндт писал, что дорога от Твери до Петербурга «почти столь же хороша, как прочие дороги великого государства. Мекленбургских, голштинских или бельгийских каменных плотин тут, слава Богу, нет; но зато множество деревянных гатей, преимущественно по болотам и трясинам, сложенных из цельных еловых стволов, дрожащих и подпрыгивающих под колесами».²⁷

Даже такой строгий критик российских порядков, как Кюстин, писал о дороге из Москвы в Петербург, что она красивая и «содержится в порядке, хотя вымощена такой твердой породой, что даже щебень образует шероховатости и расшатывает болты колясок».²⁸

Довольно неплохой оказалась эта дорога финну Юхо Паасикиви: «Дорога, проложенная из Москвы в Петербург через Новгород, – это остаток прежних времен, когда еще не было железной дороги между Петербургом и Москвой и когда все пути сообщения проходили через Новгород. Дорога на протяжении мили ровна, довольно чиста осенью, даже во время слякоти, т. к. она тверда, как городская улица».²⁹

После того как в 1851 г. была построена железная дорога Петербург – Москва, иностранные путешественники предпочитали ездить из одной столицы в другую поездом, минуя Новгород. Так, известный французский писатель Теофиль Готье, побывавший в Москве и Петербурге зимой 1858–1859 гг., писал: «Находя приятной жизнь в Санкт-Петербурге, я, однако, изнывал от желания увидеть настоящую русскую столицу, великий город Москву. Железная дорога облегчала эту задачу».³⁰ Железная дорога, соединившая Москву с Петербургом, стала основной причиной того, что во второй половине столетия количество иностранных путешественников, побывавших в Новгороде, резко сокращается и практически сходит на нет. Зато в конце XIX – начале XX в. в Новгород начинают приезжать студенты и ученые из Северной Европы.

²⁷ Арндт Э. М. Воспоминания о 1812 годе // Русский архив. 1871. Стб. 091.

²⁸ Кюстин Астольф де. Россия... С. 26, 34.

²⁹ Paasikivi J. K. Käynti Venäläisessä luostarissa // Uusi Suometar. 24.09.1891.

³⁰ Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 209.

В 1891 г. в Новгороде несколько месяцев жил студент Хельсинкского Александровского университета Юхо Кусти Паасикиви, ставший впоследствии премьер-министром и президентом Финляндии. Он ходатайствовал перед консисторией университета о выделении ему денежных средств на поездку в Новгород. Однако его просьба не была удовлетворена. Тогда он взял в долг деньги у купца К. В. Куннаса и в конце весеннего семестра выехал в Новгород.³¹ Отсюда он отправил пять репортажей в газету «Uusi Suometar»,³² в которой они были опубликованы во второй половине 1891 г.³³

Новгородские репортажи Паасикиви представляют новый уровень восприятия Новгорода иностранными наблюдателями. Это было обусловлено тем, что, во-первых, он знал русский язык, а во-вторых, сравнительно долго жил в Новгороде, общался с его жителями. Не случайно один из его репортажей называется «Среди русских». Паасикиви видел Новгород не из экипажа или окна гостиницы, и его знакомство с ним не ограничивалось прогулкой по городу. В своих репортажах из Новгорода он обнаружил способность детального изображения перспективы жизни города.

Паасикиви воспринимал Новгород как древний центр православия и православной культуры, где «разница между православием и привычной нам (финнам – Г. К.) религией особенно заметна». Не случайно его первый репортаж посвящен церковной жизни Новгорода. Паасикиви не претендует на то, чтобы дать ее исчерпывающую картину, поэтому он называет его «О некоторых чертах церковной жизни».³⁴

Он отмечает, что «из всех видов построек русские больше всего заботятся о церквях. Драгоценные украшения и стоящие многие сотни тысяч позолоченные купола представляют собой образец русской щедрости в этом отношении. <...> В первую очередь из всех церквей Новгорода заслуживает внимания Софийский собор». По его мнению, перед собором собиралось новгородское вече.

Характерно, что Паасикиви, подобно Раупаху, пересказывает легенду о сжатой деснице Христа Пантократора, изображенного в центральном куполе Софийского собора, и «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим». Кроме того, он излагает местное предание о чудесном заступничестве иконы «Богоматерь Знамение» («Битва новгородцев с суздальцами») во время осады Новгорода войсками суздальского князя Андрея Боголюбского в 1170 г. Он обращает внимание на культ новгородских святых, останки которых находятся в Софийском соборе.

³¹ Polvinen T., Henkkilä H., Immonen H. J. K. Paasikivi. Valtioniehen elämäntyö. I. 1870–1918. Helsinki, 1989. S. 20–22.

³² «Uusi Suometar» – всдущая и самая крупная по тиражу финноязычная газета Великого княжества Финляндского, выходившая в Хельсинки в 1869–1919 гг.

³³ Paasikivi J. K.: 1) Kirje Novgorodista // Uusi Suometar. 26.07.1891; 2) Helsingista – kansanopetus Venäjällä // Ibid. 16.09.1891; 3) Käynti Venäläisessä luostarissa // Ibid. 24.09.1891; 4) Venäläisten keskellä // Uusi Suometar. 14.10.1891; 5) Kun tarkastaja kävi // Ibid. 11.11.1891.

³⁴ Paasikivi J. K. Kirje Novgorodista // Uusi Suometar. 26.07.1891.

По сравнению с финнами новгородцы показались ему, во всяком случае внешне, более религиозными. Проявления их «повсеместно известного религиозного усердия» он усмотрел в том, что «при всяком удобном случае они осеняют себя крестным знамением. Когда гимназист, или чаще гимназистка, идут утром в школу, по дороге они заходят в часовню».

Особый интерес Паасикиви привлекла такая форма русского богослужения, как крестный ход: «Такие крестные ходы проводятся в Новгороде 12 раз в год, либо в честь святых, либо для защиты города от всякого рода напасти, как пожара, голода, чумы и других. Тогда иконы Спасителя, Божьей матери и святых носят по городу, священники облачены в праздничные одежды, присутствует сам новгородский архиерей, певчие поют, и нескончаемый людской поток идет следом. Часто крестные ходы направляются в самые отдаленные места. Например, к Хутыньскому монастырю, до которого добрый десяток километров <...> Недавно было шествие в расположенный неподалеку Антониев монастырь, в котором в этот день проводился праздник, обычно устраиваемый каждый год». При этом он отметил, что «часто самые благочестивые русские говорят, что многие, в основном образованные, отправляются большим обществом, и путешествие проходит довольно приятно, но религиозная сторона остается в тени».

Паасикиви пишет, что священнослужителей в России готовят «в так называемых духовных семинариях», и сообщает, что такая семинария есть и в Новгороде, в Антониевом монастыре. «В прошлом году в ней обучалось примерно 360 учащихся, и большая часть из них проживала в большом, напоминающем казарму, здании школы. Часть жила все-таки в городе. Годовая плата за обучение <...> составляет 60-70 рублей. В семинарию приходят из подготовительной 3-4-летней духовной школы. Курс семинарии продолжается 6 лет. В числе учебных дисциплин, помимо духовных, есть еще латынь и греческий. И, как ни странно, философия. По каким учебникам ее проходят – мне не известно. Древнееврейский язык не изучается. Успешно закончившие курс учащиеся могут поступить в духовную академию в Петербурге».

Конфессиональную тематику Паасикиви продолжает в репортаже «Посещение русского монастыря».³⁵ В нем он описывает свою поездку в Юрьев монастырь. Сравнивая его с такими известными финнам монастырями как Валаамский и Коневецкий,³⁶ он пишет, что «ни своим богатством, ни своей красотой они не могут сравниться с такими монастырями, как Юрьев монастырь недалеко от Новгорода».

Жизнь монахов не показалась Паасикиви аскетической. «Как видно, в этом монастыре неплохо живется, – заметил он, – у монахов Юрьева монастыря есть все для обогащения и беззаботной жизни. Они получа-

³⁵ Paasikivi J. K. Käynti Venäläisessä luostarissa // Uusi Suometar. 24.09.1891.

³⁶ Православные монастыри, основанные русскими монахами в XII и XIV вв. на островах в северной части Ладожского озера. В конце XIX в. они находились на территории Великого княжества Финляндского, в 1918 г. перешли к Финляндии.

ют деньги, <...> и так как они в монастыре ни за что не платят, то не удивительно, что они умирают богатыми людьми».

Школьному образованию Паасикиви посвятил очерк «Народное образование в России».³⁷ Первичную информацию о системе народного образования в России он получил от учительницы народного училища, «которая несколько лет преподавала в деревенском народном училище в Новгородской губернии, а теперь преподает в маленьком городке этой же губернии».

Она рассказала ему, что учреждения начального образования бывают трех видов: «образцовые» училища, находящиеся в ведении Министерства народного просвещения, «земские», или «сельские», и «церковноприходские». В последнее время некоторые земские училища стали закрывать, а вместо них основывают церковноприходские, в которых основное внимание уделяется религии, а все остальное, по словам учительницы, «остаётся в тени».

Перечисляя предметы, изучаемые в начальных школах, Паасикиви отмечает краеведческий уклон некоторых дисциплин: «В географии не идут обычно дальше своего уезда. По понятным причинам невозможно изучить географию своей страны так, как в Финляндии, поскольку лишь это заняло бы около двух лет. Поэтому на уроке проходят только наиболее важное о своем уезде. Учитель рассказывает о реке Волхов, ее притоках, об озере Ильмень».

Учительница также рассказала ему, что в деревнях школу посещает около седьмой части всех детей, поскольку родители неохотно отдают их учиться. Те же, кто все-таки приходит учиться, совершенно не подготовлены к школе, и их обучение приходится начинать с нуля. Одной из проблем сельских школ было детское пьянство («случается, маленький пострел приходит в школу таким пьяным, что его первым делом приходится положить спать»).

В Новгороде Паасикиви жил на частной квартире вместе с гимназистами Новгородской мужской гимназии, директором которой был А. Ф. Колоколов. Сам он также бывал в гимназии, свои впечатления от которой описал в очерке «К нам едет инспектор».³⁸ Он пишет, что «в гимназии царит полный порядок», однако отмечает, что он «поддерживается, как и в армии, главным образом при помощи наказаний». Без отпускных удостоверений гимназистам, «равно как и солдатам, было разрешено пребывать лишь на определенной территории».

Сравнивая финляндские гимназии с гимназией в Новгороде, он пишет, что «на уроках учеников не спрашивают всех подряд, как в Финляндии, а вызывают нескольких, максимум 4-5 человек за один урок, которые обычно, стоя у кафедры, отвечают продолжительное время. Это научило гимназистов приспособливаться: они высчитывают, когда придет их очередь, и, таким образом, готовятся к урокам примерно раз в неделю». Он отметил также, что в Новгородской гимназии большое внимание уделяется элементарной гимнастике с элементами строевой подготовки.

³⁷ Paasikivi J. K. Helsingistä – kansanopetus Venäjällä // Uusi Suometar. 16.09.1891.

³⁸ Paasikivi J. K. Kun tarkastaja kävi // Uusi Suometar. 11.11.1891.

Визит инспектора Петербургского школьного округа Паасикиви описывает в духе «Ревизора». Директора гимназии, как и гоголевского градоначальника, звали Антоном, и о приезде инспектора он был предупрежден своим петербургским приятелем, так что визит не был неожиданным. Поскольку подобные проверки в Новгородской гимназии не проводились шесть лет и у гимназистов не было опыта участия в подобных мероприятиях, директор счел нужным в небольшой речи сообщить ученикам о нем. Им было приказано содержать свои квартиры в должном порядке, т. к. инспектор вряд ли ограничится проверкой только самой школы. Восьмиклассникам было велено подготовиться к сочинению на тему: «Значение самодержавия в России».

Вечером инспектор собирался посетить квартиры гимназистов, в первую очередь тех, которые живут у чужих людей, с тем, чтобы убедиться в том, «что там нет никаких вредных для молодежи книг и что все так, как и должно быть». В последний момент заместитель директора гимназии вспомнил, что в одной из квартир кроме гимназистов живет еще какой-то финский студент, и «счел нужным сделать так, чтобы инспектор не заметил этого финна, поскольку, по всей видимости, это не было уместным с педагогической точки зрения». Поэтому по просьбе директора гимназии на этот вечер Паасикиви вынужден был удалиться с квартиры.

Пожалуй, наибольший интерес представляет репортаж Паасикиви «Среди русских»,³⁹ в котором он описывает быт и нравы новгородцев, среди которых он прожил пять месяцев и для общения с которыми ему не нужен был переводчик. В этом очерке он рисует яркую картину того, как новгородские обыватели проводили свой досуг.

По мнению Паасикиви, заметный отпечаток на формирование русского национального характера наложило крепостное право, следы которого были еще зримы в повседневной жизни: «Если ты встретишься с русским мужиком на дороге и начнешь с ним говорить и если ты хоть сколько-то похож на господина, то мужик снимет шапку. Ясно видны следы того, что еще 30 лет назад крестьяне были крепостными».

Отличительной чертой русских людей было то, что они «могут забывать и печаль, и заботы мира сего». Для этого они «покупают гармонь и водку, идут по деревне, пляшут „русского“ и поют». Он отмечает, что русские поют и на трезвую голову, наверно, даже больше, чем другие.

За сто лет до Паасикиви особую склонность русского народа к пению отметил на пути из Москвы в Новгород У. Кокс: «Во время моего путешествия я был поражен удивительной любовью русского народа к пению <...> солдаты поют во время похода, крестьяне поют во время работы; кабаки оглашаются песнями; не раз среди вечерней тишины я слышал, как неслись песни из окрестных деревень».⁴⁰

Новгородский «бомонд», по наблюдениям Паасикиви, отличался аполитичностью. Его представители, будучи добропорядочными гражданами,

³⁹ Paasikivi J. K. Venäläisten keskellä // Uusi Suometar. 14.10.1891.

⁴⁰ Кокс У. По России и Польше в исходе XVIII века // Русская старина. 1907/11. С. 673.

данами, не «умничали» о том, что происходит в Санкт-Петербурге, а «беседовали о засолке грибов и уходе за цыплятами с таким знанием дела, что можно было подумать, что они сами всю жизнь были поварами и выращивали кур. Рассуждения о таких полезных вещах можно, кстати, услышать каждый день. Причиной этого может быть отчасти то, что размышления о них не относятся к запретным».

Застой в общественной жизни Новгорода Паасикиви связывал с тем, что столичные газеты новгородцы почти не выписывают, а местной прессы в Новгороде нет: «По мнению русских, газета – всего лишь ненужная роскошь, которая поэтому попадала мне в руки крайне редко».⁴¹

Полугодовое пребывание Паасикиви в Новгороде было его первым близким знакомством с Россией. Его репортажи из Новгорода свидетельствуют о том, что он достаточно критически относился к политической системе Российской империи и жизненному укладу русской провинции. Однако его отношение к Новгороду было не столь негативным как у Герцена, считавшего Новгород невыразимо бедным и скучным, лишенным всяких удобств «дрянным городишком», в котором «не осталось ничего старинного русского».

Таким образом, в XIX в. Новгород становится для иностранцев лишь «тенью великого имени», «городом между двумя столицами», и тем не менее он продолжает привлекать их внимание, с одной стороны, как «колыбель Российской империи», а с другой – как республиканский антипод самодержавия. Для либеральной европейской интеллигенции он становится демократической легендой, культурным мифом, символами которого были Марфа-посадница и вечевой колокол, осколки которого они пытались найти в постреспубликанском Новгороде.

Проезжавший через Новгород в 1805 г. немецкий поэт и эстетик Георг Райнбек сумел разглядеть перспективы его развития как одного из культурных центров империи: «Чем бы только он не мог стать, если бы на него обратили должное внимание! Он бы приобрел некое значение, наряду со все поглощающими Петербургом и Москвой, и была бы определенная польза в том, что в глубинке существует множество процветающих второстепенных и третьестепенных в смысле культуры городов».⁴²

Иностранцы обращают все более пристальное внимание на памятники новгородской архитектуры и живописи, начинают понимать их подлинную красоту и значение, хотя их влияние на представления европейцев о древнерусском искусстве пока еще было довольно ограниченным.

Шведский журналист, писатель и переводчик Вальдемар Ланглет, побывавший в Новгороде в 1898 г., писал: «Я обратил свой пристальный интерес на изучение своеобразных старинных церквей этого древнего города с богатым прошлым. В одной из этих церквей под названием

⁴¹ В это время в Новгороде издавались «Новгородские губернские ведомости» и «Новгородские епархиальные ведомости», а также «Новгородский листок объявлений».

⁴² Reinbeck G. Flüchtige Bemerkungen auf einer Reise von St. Petersburg über Moskwa, Grodno, Warschau, Breslau nach Deutschland im Jahre 1805. Leipzig, 1806. S. 105.

Спас на Нередице хорошо сохранились фрески, которые считаются самыми древними из произведений христианского искусства во всей Европе. Другие церкви весьма интересны как образцы различных направлений церковной архитектуры, представляющие путь развития русского церковного искусства от его возникновения. Некоторые из них представляют уникальную ценность для истории искусства, как, например, построенный греческими мастерами Софийский собор». ⁴³

В XIX в. на страницах иностранных сочинений появляются не только исторические персонажи, но и простые новгородцы, общаясь с которыми, авторы пытаются выяснить «некоторые интересные обстоятельства, касающиеся местной жизни». Во второй половине столетия знакомство иностранцев с Новгородом становится более продолжительным, в их описаниях города появляется много интересных деталей о быте и нравах горожан, позволяющих более зримо представить картину повседневной жизни русской провинции XIX в.

⁴³ *Langlet V. Till häst genom Ryssland. Stockholm, 1898. S. 418–419.*